

Рисунок И. Блюха

В. МИНАЕВ, М. КАЗАРИНА

ЯПОНСКИЕ МАТА ХАРИ

Долгое время японские женщины были совершенно отстранены от общественной жизни. Веками им вдалбливали, что их единственными обязанностями являются забота о муже, детях и доме, изучение ритуала «рси» (изысканных форм вежливого обращения) и овладение церемонией подачи чая.

Японские женщины всегда славилась своей сдержанностью и рассудительностью, скромностью и целомудрием.

Трудно себе представить изящную хрупкую японку в роли шпиона и диверсанта.

Однако культ шпионажа проник даже за бумажные стены миниатюрных японских домиков, и среди этих маленьких тихих женщин находились любительницы острых ощущений, которых японская разведка довольно широко привлекала для выполнения «специальных поручений». Некоторые из них перешагивали самых знаменитых шпионов Европы.

Еще во время войны с Россией в 1904—1905 годах японская разведка использовала на подрывной работе женщин. Некая Мисако Кавара, по профессии учительница, в своей книжке «Монгольский подарок», изданной вскоре после окончания войны, красочно описывает, как она действовала в качестве диверсантки в тылу русских войск. В главе под названием «Цветы славы в снегу» она рассказывает, в частности, о неудавшейся попытке взорвать Сунгарийский железнодорожный мост. Впрочем, и в других случаях особой удачей Мисако похвастаться не могла.

Особенно прославилась своими шпионскими похождениями в Азии Кавасима Иосико (она же известна как Момаки Иосико, Су и под другими именами). Эта стройная красивая девушка с коротко подстриженными волосами, нередко выдававшая себя за юношу, была прозвана «японской Мата Хари» (по имени широко известной немецкой шпионки, действовавшей во Франции в первую мировую войну). Утверждают, что ее «открыл» генерал Доихара, который был частым гостем ее отца, и что по его протекции она была принята в разведывательную школу «Черного Дракона», где изучала не только английский, китайский, монгольский и корейский языки, но и обычаи этих народов. Ее обучали также театральному искусству и технике грима.

Дебютом Кавасима было путешествие в Улан-Батор — столицу Монгольской Народной Республики. Органы государственной безопасности республики быстро распознали, кто скрывается под скромной одеждой набожной богомолки, однако шпионке удалось ускользнуть.

После этой неудачи Кавасима начала «тренироваться» в более безопасной обстановке. Это было вскоре после покушения на японского императора одного корейского патриота, который перед казнью не выдал никого из участников заговора. Спустя некоторое время среди живших в Токио корейцев появилась приехавшая из Кореи молоденькая кореянка. Она оказалась прекрасно осведомленной о всех деталях личной жизни казненного корейца и утверждала, что была его невестой, в подтверждение чего показывала письма погибшего «жениха»... Через некоторое время японская полиция произвела среди корейцев многочисленные аресты, один за другим были арестованы все участники заговора. Каково же было их изумление, когда на

Продолжение Начало см. в № 2 и 3 журнала за 1961 год (В. Минаев, М. Казарина «Козни Черного Дракона»).

суде главной свидетельницей полиции выступила «невеста» их казненного товарища! Слишком поздно корейские патриоты поняли, что стали жертвой гнусной мистификации Кавасима.

Затем в интересах разведки Кавасима в качестве «племянницы маньчжурского князя Су» становится женой одного владетельного маньчжурского князя, политические настроения которого внушали японцам опасения. Собрав необходимые данные, Кавасима бежала. Через некоторое время она уже «жена» маньчжурского феодала, приближенного «императора» Маньчжоу-Го Пу И. С помощью Кавасима японская разведка следила за Пу И и его окружением. Затем Кавасима «развелась» и с этим своим «мужем». После этого она перебралась на юг Китая, где сделалась частой гостьей многих провинциальных милитаристов, недовольных политикой Чан Кайши. Там она снова «вышла замуж» за видного го-миньдановского чиновника, что дало ей возможность доставлять японской разведке важную военную информацию. Позднее Кавасима создала в Гонконге шпионско-диверсионную женскую организацию.

Во время боев за Шанхай распространилась весть, якобы в Чапее (пригород Шанхая) после налета японских бомбардировщиков был найден труп Кавасима, одетой в форму китайского солдата. Однако один корреспондент, расследовавший полученное известие, высказал предположение, что это всего лишь очередная дезинформация, которая позволит Кавасима вновь появиться где-либо под новым вымышленным именем.

После этого в течение ряда лет о Кавасима ничего не было слышно. Вдруг осенью 1945 года в японской и американской прессе промелькнуло сообщение о том, что в Китае американцами арестована известная японская шпионка Кавасима, которая должна предстать перед судом в Шанхае. Однако дальнейших сведений о ее судьбе в печати не появлялось. Видимо, Кавасима нашла себе новых хозяев, которые вызволили ее из «беды», дабы использовать ее шпионские способности.

Об этой шпионке в Японии распространено множество легенд, и можно не сомневаться, что японская разведка приложила свою руку к этому мифотворчеству. Каких только шпионских трюков не приписывала печать Кавасима! То она участница подготовки покушения на Чжан Цзо-лина, то, переодетая шофером, она вывозит из Тяньцзина во время уличных боев, под огнем пулеметов будущего маньчжурского правителя Пу И и еще много других.

За свои шпионские заслуги она «удостоилась чести» быть упомянутой вместе с другой японской шпионкой премьером Танака в его пресловутом меморандуме — известной программе японской агрессии.

Другой «знаменитой японкой», названной Танака, была дочь генерала — Фукусима. По словам Танака, Фукусима «рисковала своей жизнью, живя среди варварского монгольского населения в Тушету, где она исполняла роль советника при местном князе и тем самым служила императорскому правительству». К Фукусима склонность к агентурной деятельности, вероятно, перешла по наследству от отца, который известен своими шпионскими похождениями в годы русско-японской войны.

Перед второй мировой войной в Соединенных Штатах подвизалась японская шпионка Фурусавы Сацико, жена известного в Лос-Анджелесе врача — владельца крупной лечебницы. Разоблачена и арестована она была уже почтенной матроной на ше-

стом десятке. Шпионский стаж Сацико настолько солиден, что о ней стоит рассказать поподробнее. Родилась она в окрестностях Токио в конце восьмидесятых годов. Пятнадцати лет Сацико вышла замуж за офицера японского флота, но после пяти лет совместной жизни покинула его и уехала в Соединенные Штаты. Здесь она обосновалась в Лос-Анджелесе. Работая кельнершей в ресторанах Литл-Токио — японской части города, Сацико знакомится со своим будущим мужем, тогда студентом медицинского факультета Фурусавы. Ее сбережения помогли ему окончить университет и получить диплом врача. Позже Сацико привлекла мужа к сотрудничеству с японской разведкой, с которой она была связана с момента эмиграции в США. Шпионская карьера Сацико длилась свыше трех десятилетий, и путь ее был достаточно извилист — от скромной официантки, дарившей свою благосклонность за небольшое вознаграждение и подслушивающей случайные разговоры в ресторане до амплуа жены видного врача и руководительницы крупнейшей шпионской сети.

Когда началась японская интервенция в Китае, Сацико организовала в США по заданию японской разведки «Общество патриотических женщин». Целью общества якобы было оказание помощи осиротевшим семьям японских солдат и моряков, погибших в Китае. На самом же деле это общество вело шпионскую работу среди американцев японского происхождения и занималось сбором средств на военные нужды Японии.

Незадолго до начала японо-американской войны Сацико впервые после своего приезда в Соединенные Штаты решила навестить родину. Она поехала в Японию «для утешения японских солдат, раненных на войне в Китае». Оказалось, однако, что в Токио Сацико вместо встреч с солдатами устроила свидания с несколькими крупными японскими военными и морскими разведчиками. Получив все необходимые установки, Сацико вернулась в США. Здесь она пытается создать широко разветвленную шпионскую организацию под вывеской «Японо-американская женская ассоциация для развлечения японцев, мобилизованных в американскую армию». Попытка эта окончилась неудачей: после нападения на Пирл-Харбор Сацико арестовали. По заявлению американской контрразведки, «она была душой японского шпионажа на западном побережье Америки».

Во время войны использование японок на разведывательном поприще принимает широкие размеры. В Шанхай — этот крупнейший центр Дальнего Востока, где переплетаются нити большинства шпионских агентур мира, направляется сто пятьдесят японок, получивших специальную подготовку и хорошо владевших английским языком. В их задачу входило вести разведывательную работу среди находящихся в городе иностранцев.

Японская разведка привлекала к шпионской деятельности и женщин-иностранок, в частности предательниц-китайок из среды господствующих классов. Жены или любовницы многих китайских милитаристов и политических деятелей состояли на службе японской разведки. Крупной японской разведчицей, китайкой по национальности, была некая Ван Бао-е. Она вращалась в кругах китайской реакции, добывая здесь необходимые сведения и ведя откровенную прояпонскую пропаганду.

За предательство Ван Бао-е получила должное возмездие: на одной из улиц Шанхая ее убили два китайских патриота.

Любопытны похождения еще одной известной японской шпионки — танцовщицы Лен-Лай. Эта «жрица любви» была весьма эффектной женщиной. Появление Лен-Лай на китайском горизонте было прежде всего отмечено завсегдатаями шанхайских ночных кабаре, на подмостках одного из которых она начала выступать в 1934 году. Танцовщица вскоре стала весьма популярной среди многих высокопоставленных китайских офицеров. Во второй половине 1937 года Лен-Лай перекочевала в Ханькоу, где тогда находилась главная штаб-квартира гоминьдановцев. И если актриса Чжань Чжи-юнь, тоже японская шпионка, устроила у себя вечерний салон для китайской знати, у которой она черпала нужные Японии шпионские сведения, то Лен-Лай открыла некое «заведение» без особых претензий на фешенебельность. Однако круг его посетителей представлял для японской разведки не меньший интерес. Лен-Лай собирала у посещавших это заведение офицеров ценнейшие данные о расположении китайских войск и намерениях гоминьдановского командования.

ГЕЙШИ И БАНДИТЫ В АВАНГАРДЕ ВОЕННЫХ АВАНТЮР

В иностранной печати не раз указывалось, что японские милитаристы являются инициаторами создания массового шпионажа. Надо сказать, что это утверждение не соответствует исторической истине. Если судить по фактам, автором, «теоретически» обосновавшим и попытавшимся впервые практически решить эту проблему, был пресловутый Штибер — организатор германской разведки. Перед франко-прусской войной и в особенности после нее он сумел частично претворить в жизнь свои замыслы о насаждении во Франции массовой агентуры германской разведки. Став на этот путь, Штибер и его последователи начинают широко использовать для агентурных целей зарубежных немцев, проживавших в различных странах мира.

Надо думать, что японские милитаристы, жадно воспринимавшие и копировавшие многое у своих иностранных наставников в деле реорганизации вооруженных сил Японии, воспользовались и этой идеей.

Так или иначе, японская разведка с конца XIX века также приступает к созданию за кордоном своей массовой агентуры. Именно с этой целью японским правительством инспирируется и всячески поддерживается эмиграционное движение японцев, развитие которого «научно» обосновывается «теорией» о мнимой перенаселенности и недостатке продовольствия в Японии. Официально дело изображалось так: быстрый рост населения, отсутствие свободных земель и индустриализация страны создают огромное количество избыточных рук, которые, мол, не находят применения внутри Японии ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве.

Однако факты противоречили этой «теории», что вынужден был признать даже министр иностранных дел маркиз Комура. В опубликованной 11 февраля 1927 года газетой «Джапан таймс» статье он писал: «...Население Японии скудно в индустриальных центрах, но было бы ошибкой предполагать в стране чудовищные излишки населения. Небольшое путешествие по северным провинциям покажет всякому, что эти провинции весьма редко населены и имеется еще чрезвычайно много пространств, на которых могут жить люди. Совершенно очевидно,

что огромные пространства земли остаются необработанными просто из-за недостатка рабочих рук... Ввоз иностранных продуктов, следовательно, не может служить доказательством того, что население Японии уже в настоящий момент возросло настолько, что ее земля не в силах прокормить его».

Начавшаяся в последней четверти прошлого столетия японская эмиграция стала развиваться по трем направлениям: в Маньчжурию и Северный Китай, Корею и на Тайвань, в страны американского континента (Соединенные Штаты, Канаду, Бразилию и другие) и, наконец, с начала девяностых годов японские эмигранты начинают также усиленно проникать на русский Дальний Восток.

С первых дней своего возникновения эмиграция в Японии находится под бдительным надзором властей. С 1929 года директивные функции по руководству эмиграционным движением в Японии были возложены на вновь созданное министерство колоний. С этого времени в стране развертывается усиленная эмиграционная пропаганда. В Токио организуется специальный музей, в котором с помощью всевозможных наглядных пособий — фотоснимков, образцов товаров, статистических отчетов, карт — всячески расписываются «прелести жизни» в местах, интересовавших японский империализм. Готовясь к осуществлению своих экспансионистских замыслов, Япония стремилась как можно глубже внедриться на территорию объектов своей экспансии. И не случайно роль закулисной режиссуры в эмиграционном движении принадлежала японской военщине, фактически оно направлялось японским генеральным штабом, в частности его Вторым отделом.

Всячески поощряя эмиграцию, правящие круги Японии преследовали цель создать на иностранных территориях контингенты людей, которые бы вели разведывательно-диверсионную и пропагандистскую работу, а в нужный момент могли быть использованы в качестве вспомогательных военных формирований японской армии. В японских колониях намеревались создать из эмигрантов политический оплот власти и подсобную полицейскую силу.

В свое время царское правительство разрешило Японии сохранить рыбные промыслы, расположенные в южной части Сахалина, на побережье залива Терпения. Используя это обстоятельство, Япония расселила здесь на трехсоткилометровой береговой полосе до тридцати тысяч японцев. Когда началась русско-японская война, все эти «мирные рыбаки» тотчас превратились в обученных солдат японской армии, образовавших целые воинские части. С помощью их Япония быстро оккупировала весь Сахалин.

Такую же роль играли японские поселенцы в городах Советского Дальнего Востока во время интервенции 1918—1922 годов. Например, в конце 1918 года проживавшие в Благовещенске японцы — все эти торговцы, кустари, часовых дел мастера, фотографы, парикмахеры, владельцы прачечных, кафе и прочие «мирные» жители — образовали располагавшее оружием боевое подразделение с командным составом из японских офицеров.

Перед оккупацией Маньчжурии командование Квантунской армии в тех маньчжурских городах, где находились японские эмигранты, тайно сформировало из них «добровольческие» отряды. Перед каждым из этих отрядов была поставлена определенная боевая задача. Один из них принимал участие в разоружении китайских войск в Чанчуне в день возникновения «маньчжурского инцидента», то есть в ночь с 18 на 19 сентября 1931 года. В Харбине был создан отряд численностью около 500 человек,

предназначавшийся для удара в тыл китайским войскам в момент японской атаки.

Японское командование намечало широко использовать свои тайные военные формирования из числа эмигрантов и во вторую мировую войну. На Гавайских островах японские милитаристы предполагали выставить для участия в боевых действиях не менее 15 тысяч эмигрантов, прошедших воинскую подготовку. Кроме того, значительное число лиц должно было осуществлять акты саботажа — взрывать мосты и нефтехранилища, разрушать коммуникации и водоснабжение.

Аналогичным было положение и в других имевших важное стратегическое значение районах американского континента. Американская печать неоднократно сообщала, что проживающие в зоне Панамского канала под видом невинных лавочников и рабочих японцы в действительности являются резервистами японской армии и флота. Некоторые из них имеют офицерские звания и боевые награды, хранят в своих чемоданах военную форму.

Вербовка тайной агентуры среди эмигрантов происходила задолго до их отъезда за границу. Каждый японец, желавший эмигрировать, должен был подать об этом заявление в полицию, которая проводила тщательное обследование. Прежде всего выяснялось — может ли отъезжающий стать за границей надежным агентом японского империализма, пригоден ли он для выполнения различных «специальных поручений». Если возникало малейшее сомнение в его политической благонадежности, разрешение на выезд не давалось.

Было бы ошибочным в каждом из японских эмигрантов видеть обязательно агента разведки. Но, несомненно, конечно, и то, что японская разведка стремилась давать поручения агентурного характера как можно большему количеству эмигрировавших из метрополии японцев. Это отразилось на их составе, который в значительной массе формировался из лиц всевозможных нелегальных профессий — контрабандистов, ростовщиков, продавцов наркотиков, проституток и тому подобных авантюристических элементов, никогда не занимавшихся полезным производительным трудом. Число же сельскохозяйственных эмигрантов было сравнительно незначительным. Огромное большинство эмигрантов владело той или иной военной специальностью и являлось, как мы уже отмечали, замаскированным контингентом японской армии и флота, предназначенным для выполнения в надлежющий момент «особых заданий».

За кордоном японские эмигранты независимо от их местопребывания находились под постоянным политическим воздействием агентов японского империализма. Эмигрантов объединяли различные легальные и тайные японские националистические организации, среди которых особенно сильным влиянием пользовалось общество «Черного Дракона». Главной задачей всех этих организаций было поддерживать националистические и верноподданнические настроения у эмигрантов, осуществлять различными замаскированными способами их военное обучение, обеспечивать выполнение заданий японской разведки.

По японскому законодательству каждый японский эмигрант и его потомки, сколько бы времени они ни прожили в данной стране, продолжали считаться подданными Японии. Чтобы легализировать массовую агентуру и создать вокруг нее атмосферу наибольшего доверия, а также для противодействия все усиливавшимся антияпонским настроениям, японское правительство разрешило эмигрантам прини-

мать так называемое двойное подданство. Японские эмигранты, связанные с разведывательной работой, стали широко использовать эту возможность. Прожив некоторое время за рубежом, они возбуждали перед местными властями вопрос о натурализации. Эти получившие гражданство выходцы из Японии, в особенности их дети, выросшие уже на своей «новой родине», представляли для японской разведки наибольшую ценность.

Особенно старалась японская разведка насадить свою массовую агентуру на русской территории — в Сибири и на Дальнем Востоке. С конца девятых годов прошлого столетия японские эмигранты стремятся осесть в пограничной с Маньчжурией полосе, обосноваться в таких городах, как Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, проникнуть далее в Сибирь. В 1897 году в одном только Южно-Уссурийском округе Приморья насчитывалось 1529 японских подданных. Во Владивостоке в том же году их было 1250 человек.

Среди японской эмиграции значительную долю составляли женщины. В этой связи любопытна «теория», ходившая одно время в правительственных сферах Японии. Родилась эта бредовая «теория» в мозгу некоего японского литератора, который выступил с проектом завоевания «Ира»... с помощью проституток. Рассуждения японского литератора столь занимательны, что мы не можем отказать себе в том, чтобы привести их в той части, где он рекомендует применить свой беспримерный по «оригинальности» метод для завоевания русской территории.

«...Надо попытаться, — писал он в своем «проекте», — упрочить свое влияние за границей посредством переселения, особенно в бедную населением Сибирь, проституток... Благодаря этому мы избавимся от излишка населения и упрочим там свое влияние. Наши проститутки отличаются миловидностью... От этих связей, конечно, появятся дети. Влияние женщин в семьях чрезвычайно сильно. Дети с малых лет будут усваивать наши вкусы, которые никогда не забудутся. Таким образом, от сына к внуку перейдут наши привычки, и вся Сибирь станет в конце концов японской колонией. Это со всех точек зрения самый пригодный и осуществимый план действий против России. Если мы определим его как план завоевания Сибири при помощи женских бедер, то это будет верно...»

В 1920 году число японских эмигрантов в Дальневосточном крае достигло 14 тысяч человек.

Материалы советских следственных органов свидетельствуют о различного рода антисоветской деятельности в СССР японских эмигрантов. Только своевременные и последовательно проведенные мероприятия Советского правительства не дали Японии возможности создать в нашей стране свою массовую агентуру.

Как показал опыт второй мировой войны, некоторые расчеты японского империализма на свою массовую агентуру вполне оправдались. Там, где известная часть японских эмигрантов не была подвергнута соответствующему надзору, а наиболее сомнительные элементы из них не были интернированы, они небезуспешно продолжали свою подрывную работу и во время войны.

На этом мы заканчиваем печатание глав из книги В. Минасва и М. Казариной «Козни «Черного Дракона». Книга будет выпущена в свет Издательством восточной литературы.